

© 2010 г. Л.И. КУЛИКОВ

**ВЕДИЙСКИЕ КОРНИ ТИПА *CaC* // *C(C)ā*:
МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И СИНТАКСИЧЕСКАЯ
ОРИЕНТИРОВАННОСТЬ ГЛАГОЛОВ
(к диахронической типологии категории переходности)***

Статья посвящена анализу ведийских корней, образующих пары типа *i (ay)* 'идти' // *yā* 'ехать' или *tī̄ (tarⁱ)* 'преодолевать' // *trā* 'защищать, спасать' (называемых *C*- и *ā*-корнями). Основное внимание уделено синтаксическим характеристикам указанных корней. Доказывается, что *ā*-глаголы обнаруживают гораздо меньше синтаксической «гибкости», встречаясь либо главным образом в непереходных, либо главным образом в переходных употреблениях, и таким образом относятся к недиффузному синтаксическому типу. Соответствующие *C*-глаголы обнаруживают больше «гибкости» в отношении транзитивности, ср. *yā* (непереходный) vs. *i (ay)* (засвидетельствован и в непереходных, и в переходных конструкциях); *trā* (переходный) vs. *tī̄* (непереходный и переходный).

1. *C//ā*-ЧЕРЕДОВАНИЕ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1.1. *ā*-корни: синхронные модели и их происхождение

Ведийский глагольный словарь содержит около двадцати пар корней типа *i (ay)* 'идти' // *yā* 'ехать', *gam* 'идти' // *gā* 'шагать', *tī̄ (tarⁱ)* 'преодолевать' // *trā* 'защищать, спасать', *dhamⁱ* // *dhmā* 'дуть', *pī̄ (parⁱ)* // *prā* 'наполнять(ся)', *bhas* 'пожирать' // *psā* 'жевать', *man* 'думать' // *mnā* 'упомянуть' и т. д. Во всех таких парах второй корень оканчивается на *ā* и, с формальной точки зрения, может быть образован путем добавления *ā* к определенной модификации (чаще всего к нулевой ступени) первого корня (*i-ā*, *psā* [= *bhs-ā*], *mn-ā* и т. д.). Такого рода чередование можно представить в виде схемы *CaC* // *C(C)ā*, причем конечный согласный чаще всего является сонантом (*i = ay*, *tī̄ = tarⁱ* и т. д.), т. е.: *CR* (/ *CaR*) // *CRā*. Соответственно, за неимением лучшего термина, вторые члены таких пар будут называться в дальнейшем *ā*-корнями (*ā*-глаголами), в то время как первые члены, «исходные корни», я буду называть *C*-корнями (*C*-глаголами). Чередование этого типа будет называться '*C//ā*-чередованием'.

Формальные отношения между членами таких пар весьма разнообразны, и то же можно сказать об их происхождении. Некоторые пары описываются в терминах модели

* В основе данной статьи частично лежат наблюдения, сделанные еще в рамках моей кандидатской диссертации [Куликов 1989]. Краткое изложение предварительных выводов об особенностях синтаксиса глаголов, входящих в пары типа *CaC* // *CCā*, было представлено на конференции «Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию со дня рождения В.А. Дыбо» [Куликов 1991]. Тем не менее, целый ряд проблем, связанных с изучаемым явлением, оставался неясным, что потребовало их дальнейшего исследования. В декабре 1992 г. в Лос Анджелесс мне представилась возможность обсудить ряд аспектов этой проблемы с проф. Р. Анттилой – автором наиболее детального анализа явления перестановочного аблаута [Anttila 1969], – которому я хотел бы выразить искреннюю благодарность за замечания и комментарии по поводу моей концепции. Кроме того, ценные замечания по данной работе были также высказаны Т.Я. Елизаренковой, В. Кноблем, Ф. Кортландтом, А. Лубоцким, С.А. Старостиным и И. Якубовичем.

CaC // CCā; это подразумевает, что второй член пары получен посредством присоединения расширителя корня («дестерминатива»), ср. *i – yā, man – mnā*. Другие следуют модели *CR̄ (CaRⁱ) // CRā* (где *R* обозначает сонант), и, таким образом, на праиндоевропейском уровне представляют перестановочный аблаут (Schwebeablaut, см. ниже) *CeRH- // CReH-*, т. е. чередование типа *CeCC // CSeC* – явление, наиболее детально описанное в монографии [Anttila 1969]. Члены таких пар, *CaRⁱ* и *CRā*, часто называются, согласно индоевропейской традиции, соответственно, ‘полной ступенью I’ (Vollstufe I) и ‘полной ступенью II’ (Vollstufe II) (см., например [Gotō 1987: 45 ff.]). Наконец, несколько пар относятся к типу *CaC (CaR) // Cā*, как в случае *gam* ‘идти’ // *gā* ‘шагать’ и *dru (drav) // drā* ‘бежать’; некоторые из этих пар могут быть образованы этимологически неродственными корнями в результате их (вторичной) семантической и фонологической конвергенции.

Не менее разнообразна трактовка соотношения между членами таких пар в санскритологической (и ведологической) традиции. Некоторые считаются вариантами корня, распределенными внутри парадигмы (или индивидуальной глагольной системы [IVS] в терминах [Jamison 1983]), – как в случае пары *dhamⁱ // dhmā* ‘дуть’ (см. ниже, раздел 3, *sub voce*). Существование двух различных полных ступеней обычно объясняется различными вторичными процессами и парадигматическими выравниваниями¹. В других случаях традиция скорее склонна рассматривать члены таких пар как различные лексические единицы (соответственно корни), которые, однако, синхронно связаны как этимологически родственные, в то время как некоторые санскритологи приводят аргументы в пользу объединения их в рамках одной лексемы / парадигмы [см. ниже о *pṝ (parⁱ) // prā* ‘наполнять(ся)’]. Наконец, некоторые пары никогда не рассматриваются как синхронно связанные, в то время как этимологические связи образующих их корней варьируют от очевидных и бесспорных (ср. *bhas* ‘пожирать’ // *psā* ‘жевать’) до сомнительных или невероятных (см. ниже о *gam* ‘идти’ // *gā* ‘шагать’ и *kanⁱ // kā* ‘радоваться, наслаждаться’).

Неудивительно, что синхронный статус *C//ā*-чередования в системе ведийского глагола неясен. С одной стороны, не вызывает сомнения, что должны существовать какие-то отношения между такими корнями, как *i* и *yā* или *bhas* и *psā*. Ни один санскритист или индоевропеист не будет отрицать, что члены таких пар как-то связаны и их схожесть не является результатом случайного совпадения (конвергенции). Есть серьезные основания полагать, что члены таких пар, как *pṝ // prā, dham // dhmā* или *pi (pī?) // pyā*, рассматривались носителями ведийского языка как лексическое единство, даже несмотря на несколько неясный и непродуктивный характер соотношения между ними, и, таким образом, принадлежали скорее к модели, которую можно проиллюстрировать английскими парами *foot : feet, tooth : teeth*, а не *near : next* (ср. др.-англ. *nēah : nēarra : nēahsta*) или *old : elder*.

С другой стороны, ни одна санскритская (или ведийская) грамматика не рассматривает пары типа *tṝ // trā* в разделе о глагольной деривации², трактуя вторые члены (*trā* и т. д.) как отдельные (и, вероятно, непродуцируемые) лексические единицы.

Такая ситуация объясняется рядом причин. С одной стороны, есть такие случаи, как *dhamⁱ // dhmā* ‘дуть’, где генетические и синхронные связи между членами пары не вызывают сомнения, и ее члены являются (почти) полными синонимами, так что неясно, какова вообще функция *C//ā*-чередования. С другой стороны, в некоторых других парах, таких как *tṝ* ‘преодолевать, перевозить’ // *trā* ‘защищать, спасать’ или *mṝ* ‘дро-

¹ В частности, полная ступень *dhamⁱ*, как в презенсе I класса *dhāma-ⁱ*, может быть объяснена как результат персинтерпретации атематического корневого презенса (= II класс: 3pl. *dhāmanti* вместо **dhamānti* < **d^hmH-énti*) или тематического презенса с нулевой ступенью (= VI класс: 3sg. *dhāmati* вместо **dhamāti* < **d^hmH-é-ti*); см. [Gotō 1987: 46, сн. 11].

² В частности, санскритская грамматика [Whitney 1889: 103] трактует такие корни как «variations or differentiated forms of one another». Среди прочих Уитни упоминает «roots in ā and in a nasal, as *khā* and *khan*, *gā* and *gam*, *jā* and *jan*; roots made by an added ā, as *trā* from *tṛ*, *mnā* from *man*, *psā* from *bhas*, *yā* from *i*». См. также [Зализняк 1975: 61].

бить' // *mlā* 'вянуть, ослабевать', характер формальных и/или семантических отношений между членами пары стерт, что препятствует рассмотрению их как единого целого с синхронной точки зрения; такие пары скорее приближаются к типу *near : next*. Таким образом, члены пар типа *dham¹ // dhmā* или *pṝ // prā* (семантически) слишком похожи, чтобы рассматриваться как связанные отношением морфологической деривации, в то время как члены пар типа *tṝ // trā* или *mṝ // mlā* слишком различны.

Наконец, есть еще одна причина, которая объясняет «размытый статус» *C//ā*-чередования. Пары типа *pṝ // prā*, *tṝ // trā* и некоторые другие, сколь ни очевидны их формальное сходство и синхронные связи, имеют довольно скверную «диахроническую репутацию», будучи связаны с двумя чрезвычайно проблематичными явлениями индоевропейского праязыка. Одно из них известно под названием 'Schwebeablaut' (перестановочный аблаут) – чередование типа *CeRC- // CReC-*, засвидетельствованное в таких примерах, как **perk-* (ср. др.-в.-н. *fergôn* 'спрашивать') ~ **prek-* (гот. *fraihnan* id.); см. подробное исследование этого явления в [Anttila 1969]. Сюда относятся, в частности, такие пары, как *tṝ // tar¹* (ср. презенс I класса *tārati* < **terH-e-ti*) // *trā* (ср. презенс IV класса *trāyate* < **treH-*). Монография [Anttila 1969] фактически устраняет Schwebeablaut из праязыка, связывая такие пары с рядом вторичных процессов³. Тем не менее, многое остается неясным в том, что касается этого морфологического феномена, и, в любом случае, мы едва ли способны приписать какую-либо функцию этому чередованию.

Другая, еще более запутанная проблема, непосредственно связанная с *C//ā*-чередованием, – вопрос о праиндоевропейском ларингальном распространителе корня (детерминативе) и/или суффиксе **-ē-*. Глаголы пар типа *i // yā* или *dah // kṣā* могут рассматриваться как связанные отношением морфологической деривации только в том случае, если усматривать во вторых членах пар морфологический элемент (морфему?) *-ā-* (< праи.-е. **-ē-* или **-eH-*). Такой суффикс, имевший, возможно, интранзитивизирующую функцию и/или стативное значение, постулируется во многих индоевропейских грамматиках⁴, однако такие ведийские корни, как *yā* или *kṣā* (обычно), не причисляются к *ē*-глаголам в работах по индоевропеистике последнего столетия⁵. Соответственно, на конце таких корней мы вынуждены постулировать ларингальный определитель корня (**(e)H-*). Такой анализ принят, в частности, в [Anttila 1969: 59–63; Mayrhofer 1986–1996 *sub voce*] для *kṣā* [Mayrhofer 1986–1996, I: 430], *psā* [Mayrhofer 1986–1996, II: 198] и *yā* [Mayrhofer 1986–1996, II: 407]. Здесь кажется уместным краткий экскурс о проблеме индоевропейских определителей корня.

Как известно, есть целый ряд индоевропейских корней сходного значения, отличающихся конечными согласными, ср. **trep-* (ст.-сл. трепеть 'trembling') ~ **tres-* (санскр. *trasati* 'дрожит') ~ **trem-* (гр. τρέμω 'дрожать'); **dreu-* (санскр. *drāvati* 'бежит') ~ **dreH-* (ср. санскр. *imprv. drātu*) ~ **drem-* (гр. δραμεῖν 'бежать') и т. д. С формальной точки зрения эти конечные элементы можно было бы рассматривать как суффиксы; однако, так как их значение неясно, индоевропейцы предпочитают пользоваться более

³ К дальнейшей дискуссии по поводу перестановочного аблаута см., в частности, рецензии [Beekes 1972; Schindler 1970].

⁴ См., например [Benfey 1873: 403 («Wie dieses *ā* zu deuten, ist noch sehr fraglich»); Kuryłowicz 1964: 76–84; Watkins 1971; Szemerényi 1970: 257 ff.; 1990: 298 ff.; Beekes 1995: 230 («this suffix served to express a situation»)]; к детальному анализу этого суффикса, см., в частности [Wagner 1950; Jasanoff 2002]. Ряд проблем возникает в связи с идентификацией ларингала: в *ā*-корнях большинства *C//ā*-пар *ā*, вероятно, восходит к праиндоевропейскому **eh₂* (подробнее об этом см. в разделе 5), в то время как для суффикса **-ē-* обычно реконструируется *h₁* (**-eh₁-*); см. [Beekes 1995: 230].

⁵ В пользу выделения в таких корнях суффикса *-ā-* высказывался, в частности, К. Бругман [Brugmann 1878]; см. также критику этой концепции в [Bezzenberger 1879]. Позднее от этой идеи в целом отказались; подробный обзор литературы, см. в [Anttila 1969: 3–5]. Из недавних работ упомянем статью И. Якубовича [Yakubovitch 1999], где для корней типа *yā* и *kṣā* постулируется (общиндоиранский) суффикс *-ā-*, но анализ материала не представляется достаточно убедительным и едва ли проясняет ситуацию.

нейтральными и осторожными терминами – ‘расширители корня’, ‘распространители корня’, ‘детерминативы’ (‘root enlargements’, ‘root extensions’, ‘Wurzeldeterminativa’, ‘Wurzelerweiterungen’). Попытки определить функцию этих элементов потерпели неудачу⁶. После выхода монографии [Persson 1912], остающейся самым подробным исследованием этой проблемы до настоящего времени, специальных работ, посвященных этому явлению, практически не появлялось. Таким образом, анализ корней типа *kṣā*, *psā* и *yā* как включающих в свой состав рефлексы ларингального распространителя корня (= суффикс *-eH-?) оставляет открытым вопрос об их функционально-семантическом отличии от нераспространенных корней, т. е., соответственно, *dah*, *bhas* и *i*.

Вернемся к др.-индоарийскому C//ā-чередованию. Как и упомянутые выше проблемы праиндоевропейского перестановочного аблаута и (ларингального) распространителя корня, это явление в значительной степени оставалось вне поля зрения санскритологов в прошлом столетии. Есть, однако, обстоятельство, которое делает исследование C//ā-чередования в ведийском чрезвычайно интересной и важной задачей. По всей видимости, это явление представлено в индоиранском (и особенно в индоарийском) лучше, чем в большинстве других групп индоевропейских языков. Это обстоятельство может свидетельствовать о том, что развитие и распространение указанного чередования в полном объеме следует относить к эпохе после распада праиндоевропейского единства, а не к праязыку непосредственно, и, таким образом, оно представляет собой индоиранскую (или даже индоарийскую) инновацию.

Данная статья не будет, таким образом, ставить перед собой задачу исследования C//ā-чередования на всем индоевропейском материале и реконструкции его происхождения. Цель работы более ограничена: систематическое описание структурных признаков и характеристик членов ведийских C//ā-пар, прежде всего в синхронной перспективе.

1.2. О морфонологических особенностях ā-корней

Прежде чем перейти к анализу C- и ā-глаголов, необходимо сделать несколько замечаний об их морфонологических характеристиках.

Очевидно, в рамках поставленной задачи нам необходимо идентифицировать любое морфологическое образование как принадлежащее системе C- или ā-корня. В большинстве случаев это не составляет проблемы, ср. инфинитивы *étave* и *tar(i)tum* (образованные от C-корней *ay* и *tarⁱ*) в отличие от *yātave* и *trātum* (ā-корни *yā* и *trā*). Проблему составляют только формы с нулевой ступенью, образованные от корней, принадлежащим парам по модели перестановочного аблаута, как, например, *tī̄* (*tarⁱ*) // *trā* или *pī̄* (*parⁱ*) // *prā*. С формальной точки зрения, такие морфологические образования, как отглагольные прилагательные *tīrṇá-* и *pūrṇá-*, могут быть соотнесены с любым вариантом, т. е. либо с C-корнем *CṜ / CaRⁱ* (< *CṜH- / *CeRH-), либо с ā-корнем *CṜ / CRā* (< *CṜH- / *CReH-), т. е., в нашем случае, либо с *pī̄ / parⁱ*, *tī̄ / tarⁱ*, либо с *prā*, *trā*. В действительности эта проблема не возникает в случае пар типа *tī̄* ‘преодолевать, перевозить’ // *trā* ‘защищать, спасать’, где C- и ā-корни четко разграничены семантически, ср. *tīrṇá-* ‘преодоленный, пересеченный’ (≠ ‘защищенный, спасенный’). Сложнее обстоит дело с морфологическими образованиями с нулевой ступенью, образованными от членов C//ā-пар, которые (почти) не различаются семантически: для правильной идентификации (атрибуции) таких форм необходимы дополнительные критерии. Есть некоторые основания считать, что все формы с нулевой ступенью должны соотноситься с C-корнями. В частности, для многих ā-корней типа *trā* и *prā* существует тенденция к обобщению полной ступени (т. е. *ā*), используя ее также и в тех морфологических образованиях, где мы ожидаем нулевую ступень. В частности, мы обнаруживаем ā-ступень в отглагольных прилагательных (перфектных пассивных причастиях) с суффиксом *-ta-/na-*, ср. *trāta-*, *dhmātá-*, *prātá-* – в отличие от *sthitá-* и *dhītá-*, образованных от ‘неальтернирующих’ (т. е. не варьирующих по модели перестановочного аблаута) корней *sthā* ‘stand’ и *dhā* ‘suck’. Иными словами, ā-корни типа *trā*, *dhmā* и *prā* относятся к

⁶ См., в частности [Persson 1912: 556 ff.].

‘неполноизменяемому’ морфонологическому типу в терминах работ [Зализняк 1975: 68 и сл.; 1978: 816]. Эта морфонологическая особенность \bar{a} -корней, конечно же, не осталась незамеченной⁷. Санскритские грамматики и словари обычно не объединяют такие морфологические образования, как $pūrñá-$, $tīrñá-$, през. $pñāti$, $tirāti$ и т. д., с \bar{a} -корнями. Я буду в целом следовать этой традиции, включая морфологические образования с нулевой ступенью в глагольные системы соответствующих C -корней, за исключением лишь тех случаев, когда семантика глагола недвусмысленно требует иной интерпретации (как в случае $yā$ ‘ехать’ – през. $\bar{y}ate$).

2. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ $C//\bar{a}$ -КОРНЕЙ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ГИПОТЕЗА

Для начала рассмотрим характерные признаки глаголов двух $C//\bar{a}$ -пар.

(i) $p\bar{r}$ (par') // $pr\bar{a}$ ‘наполнять(ся)’

Глаголы $p\bar{r}$ и $pr\bar{a}$ ‘наполнять(ся)’ синонимичны и встречаются в сходных конструкциях, как, например, в (1a, b):

- (1) a. (PB 8.64.4c)
óbhé pñāsi ródasī
 ‘Ты заполняешь оба мира’.
 б. (PB 9.97.38)
óbhé aprā ródasī
 ‘Ты заполнил оба мира’.

Существует, однако, примечательное различие между свойствами этих двух глаголов, которое, кажется, осталось незамеченным. Глагольная система $p\bar{r}$ содержит как переходные, так и непереходные морфологические образования, причем обе эти группы хорошо засвидетельствованы начиная с ранневедийского периода (т. е. с языка Ригведы и Атхарваведы), ср. непереходные конструкции в (2–3) и переходно-каузативное употребление, проиллюстрированное в (1a):

- (2) (PB 1.51.10cd)
ā tvā vātasya nṛmaṇo mano yuja ' ā pūryamāṇaṃ avahan abhi śrávaḥ
 ‘[Кони] Ваты, запрягаемые мыслью, о мужественный мыслью, везли тебя (= Индру), наполняющегося [соем и силой], к славе’.
 (3) (PB 3.50.1c)
óruvyácāḥ pñatām ebhir ánnaiḥ
 ‘Пусть способный много вместить наполнится этими кушаньями’.

Напротив, $pr\bar{a}$ главным образом употребляется в переходных конструкциях, ср. (1b) и (4):

- (4) (PB 1.52.13c)
vísvam āprā antárikṣam mahitvā
 ‘Ты заполнил все пространство [между небом и землей] [своим] величием’.

Непереходный презенс IV класса $pūryate$, по-видимому, относится к C -корню $p\bar{r}$, а презентного пассива $*prāyate$ не существует. Единственная непереходная (пассивная?) форма, образованная от этого корня, медиопассивный i -аорист $aprāyi$ (с превербом \bar{a}), встречается один раз в конце ранневедийского периода, в строфе (5) [Kümmel 1996: 72 ff.; Griffiths 2009: 213 ff.]⁸:

⁷ Ср. [Renou 1930: 75]: «La tendance de ce groupe sonante + \bar{a} est de s’immobiliser et de se dissocier de la racine de base, en manière d’élargissement autonome». См. также [Зализняк 1975: 72 и сл.].

⁸ Обратим также внимание на примечательное наблюдение о базисно-переходном характере глагола $pr\bar{a}$, сделанное М. Кюммелем [Kümmel 1996: 73]: «Auch wenn die Wurzel $*pleh$, ursprünglich fientive [\approx непереходный глагол, или антикаузатив. – Л.К.] Bedeutung gehabt haben sollte, ist die v e d i s c h e Wurzel $pr\bar{a}$ primär agentiv-transitiv».

- (5) (РВКх 4.2.1 = АВШаун 19.47.1ab = АВПайпп 6.20.1ab = ВС 34.32ab)
ā rātri pāṛthivam rājah ' pitúr aprāyi dhāmabhiḥ
'О ночь, земное пространство было наполнено / наполнилось' установлениями отца'.

(ii) *i (ay)* 'идти; посылать, приводить в движение' // *yā* 'ехать, спешить'

Как и в случае пары *pṝ // prā*, *ā*-корень *yā* четко отличается от соответствующего *С*-корня *i (ay)* своими синтаксическими признаками. Для корня *i* и непереходные, и переходные морфологические образования хорошо засвидетельствованы с ранневедийского периода. Непереходные дериваты со значением 'идти' представлены, в частности, презенсом II класса (т. е. корневым) *éti*, как в примере (6). Переходно-каузативная пара к *éti* – презенс V класса *inóti* и его тематизация *invati*¹⁰, означающие 'посылать, побуждать, приводить в движение', ср. пример (7):

- (6) (РВ 1.191.8c)
út purástāt sūrya eti
'Солнце встает (букв. идет вверх) на востоке'.

- (7) (РВ 4.53.5c)
tisró divaḥ pṛthivīs tistrá invati
'Он приводит в движение три неба (и) три земли'.

Напротив, *ā*-корень *yā* представляет собой непереходный глагол (ср. презенс *yāti*, *īyate*¹¹ 'едет, спешит' и т. д.). Каузатив с суффиксом *-aya-* *yārayati* появляется лишь в брахманах¹².

Несмотря на различия между синтаксическими типами *ā*-корней в двух рассмотренных выше случаях существует примечательная синтаксическая особенность, общая для пар *pṝ // prā* и *i // yā*. В то время как *С*-глаголы хорошо засвидетельствованы и в непереходных, и в переходных (переходно-каузативных) употреблениях, обычно – начиная уже с ранневедийского периода, их *ā*-варианты обнаруживают явные ограничения «синтаксической свободы», т. е. встречаются либо только в непереходных, либо только в переходных конструкциях. Первый, более «гибкий» тип синтаксического поведения, примерами которого могут служить такие *С*-глаголы, как *pṝ* и *i*, будет называться далее 'диффузным'. Наиболее характерные представители диффузного типа – это те глаголы, некоторые формы которых могут встречаться как в непереходных, так и в переходных употреблениях, обнаруживая таким образом лабильный синтаксис¹³. Примером может служить форма 3 pl.pf.act. *vāvṛdhūḥ* глагола *vṛdh* 'расти, увеличивать(ся)', которая 6 раз

⁹ Переводится пассивом ('[a]ngefüllt (worden) ist') в [Kümmel 1996: 72] и непассивным непереходным глаголом ('has become full') в [Griffiths 2009: 213 ff.].

¹⁰ Корни *i* и *i(nv)* рассматриваются как (синхронно) различные в некоторых грамматиках и словарях (ср., например [Joachim 1978: 41]), но, в действительности, нет никакой необходимости считать их отдельными лексическими единицами (см., в частности [Whitney 1885: 8; LIV 232]); *éti* 'идет' и *inóti*, *invati* 'посылает, приводит в движение' (= 'заставляет идти'), очевидно, представляют собой обычную каузативную пару. Об этих каузативных презенсах см., в частности [Kulikov 1995: 101 и сл.; 2000a: 197 ff.].

¹¹ О возможных морфологических интерпретациях этой формы, см. [Kulikov 2001: 261 ff., с лит.]. Аргументацию против объединения носовых презенсов *inóti*, *invati* 'посылает, приводит в движение' с *īyate* (вопреки [Inslar 1972: 96 ff.; LIV: 233, note 12], где они считаются каузативной парой), см. в [Joachim 1978: 138 ff.; Kulikov 2001: 261 ff.].

¹² Одно их первых появлений этого редкого каузатива – герундив *°prayāpya-* 'который должен быть приведен в движение' в составе сложного слова *yathākāma-prayāpya-* (АйтБр 7.29.3) 'который должен быть приведен в движение в соответствии с желанием'. Форма *yārayanti*, засвидетельствованная в АВПайпп 16.75.7, в Кашмирской рукописи (~ АВШаун 9.8.17 *mohayanti*), вероятно, является ошибочным чтением вместо правильного *yorayanti* (так в Орисских рукописях) 'они стирают, уничтожают'. Пользуюсь случаем поблагодарить А. Гриффитса, снабдившего меня информацией о чтениях Орисских рукописей для данного фрагмента.

¹³ О лабильном синтаксическом типе в ведийском см. [Kulikov 2003].

встречается в Ригведе в непереходных употреблениях (как в примере (8a)) и 14 раз – в переходно-каузативных употреблениях (как в (8b)) (подробнее см. [Kümmel 2000: 469–473]), и, таким образом, является лабильной:

- (8) а. (РВ 2.34.13b)
rudrā ṛtāsya sādaneṣu vāvṛdhuḥ
‘Рудры возросли в обителях закона’.
б. (РВ 8.6.35a)
īndram ukthāni vāvṛdhuḥ
‘Гимны увеличили Индру’.

Очевидно, оба рассматриваемых *ā*-глагола, *yā* и *prā*, принадлежат к **недиффузно-**му синтаксическому типу: их формы могут использоваться либо только в непереходных, либо только в переходных конструкциях, в то время как другой тип употреблений (переходный или непереходный, соответственно) является либо очень редким и/или засвидетельствован только в поздних текстах, либо не встречается вовсе.

Таким образом, ключ к определению функциональной нагрузки *C//ā*-чередования, вероятно, следует искать в области синтаксиса – в синтаксических особенностях и переходности соответствующих глаголов.

Ниже глаголы, образующие пары по модели *C//ā*, будут проанализированы с точки зрения их синтаксиса, что позволит проверить сформулированную выше гипотезу на материале ведийского языка.

3. ВЕДИЙСКИЕ *C//ā*-ГЛАГОЛЫ И ИХ СИНТАКСИС

Ниже предлагается анализ 17 пар корней, следующих модели *C//ā*-чередования (в порядке санскритского алфавита). По соображениям экономии опущено обсуждение нескольких пар, где *ā*-варианты явно вторичного характера и потому представляют незначительный интерес для сравнительно-исторического анализа – такие, как *u* (*av*) // *vā* ‘ткать’ (см. [Maughofer 1986–1996, I: 275 ff.; II: 538] и примеч. 44 ниже). По той же причине будет сведен к минимуму морфологический, синтаксический и филологический анализ соответствующих глаголов.

*kan*ⁱ // *kā* ‘радоваться, наслаждаться’

Глагол *kan*ⁱ, засвидетельствованный в перфекте (1 sg.act. *cākana*, 2–3 sg.inj.act. *cākān* и т. д.), а также в нескольких изолированных формах сигматического аориста, образует конструкции либо с аккузативом (как в примере (9)), либо, чаще, с косвенными падежами (локативом или генитивом) (ср. (10)), будучи таким образом ‘непереходно-переходным’ в терминах [Jamison 1983: 31–39]; подробнее о нем см. [Kümmel 2000: 130–133].

- (9) (РВ 2.11.13c)
śuṣmīntamaṃ yāṃ cākānāma deva
‘[Дай нам] сильнейшее [сокровище], которым мы насладимся, о бог’.
(10) (РВ 8.31.1c)
brahméd indrasya cākanat
‘Тот жрец будет радоваться Индре’.

Единственная засвидетельствованная медальная форма перфекта, 3 pl.subj. *cākānanta*, появляется в непереходных конструкциях, в значении ‘быть приятным’, как, например, в (11):

- (11) (РВ 1.169.4c)
stútaś ca yās te cākānanta vāyóḥ
‘А восхваления, [адресованные] Ваю, которые также понравятся тебе (= Индре) ...’

Напротив, формы глагола *kā* (медиальный перфект *cake* и презентное причастие *kāyatāna-* – гапакс в Ригведе) употребляются в переходных конструкциях в значении ‘жаждать, тосковать; наслаждаться’, как в примерах (12–13):

(12) (PB 1.25.19c)

tvāṁ avasyūr ā cake

‘В поисках помощи я жажду тебя’.

(13) (PB 3.9.2ab)

kāyatāno vanā tvāṁ ' yān māṭṛ ājagann arāḥ

‘Когда ты (= Агни), желая дерева (т. е. дров), отправился к своим матерям, водам...’

С формальной точки зрения, основа презенса IV класса *kāya-* может интерпретироваться по-разному. Она может быть образована от корня *kā* < **keh*,¹⁴ и таким образом попадает в одну парадигму с медиальным перфектом *cake* (так у [Joachim 1978: 67 ff.; Mayrhofer 1986–1996, I: 334; Kümmel 2000: 142 ff.; LIV: 343]). С другой стороны, *kāya-* можно соотносить с *seṭ*-корнем *kan*ⁱ ‘радоваться’, по модели образования презенса IV класса, засвидетельствованной, например, для *jan*ⁱ – *jāyate*¹⁵. Однако, как показала Й. Нартен [Narten 1964: 94 ff.], индивидуальные глагольные системы этих двух корней, равно как и их синтаксические и семантические характеристики, четко разграничиваются¹⁶. В отличие от *kan*ⁱ, который образует только активные формы (перфект *cākán-* и сигматический аорист *akāniṣ-*) и употребляется в непереходных конструкциях, для *kā* засвидетельствован медиальный перфект (*ā*) *cake*, *sakāná-*, который в основном употребляется в конструкциях с аккузативом. Это свидетельствует в пользу анализа гапакса *kāyatāna-* как медиального причастия *-ya-* презенса, образованного от корня *kā*, управляющего аккузативом *vanā*¹⁷. Соответственно, конструкция в паде *a* должна рассматриваться как переходная (‘желая дерева’).

Эти два корня обычно рассматриваются как неродственные (ср. [Mayrhofer 1986–1996, I: 296 ff., 334; LIV: 343, 352] о корнях *kan*ⁱ ‘Gefallen an etwas finden, sich freuen’ и *kā* ‘begehren, gern haben’). Однако, ввиду близости их значений, нельзя исключить возможные (вторичные) связи между ними.

kāś ‘становиться видимым, появляться (?); видеть’ // *kśā* (*khyā*)¹⁸ ‘видеть, рассматривать, считать’

Корень *kāś*, вероятно, восходит к праи.-е. **k^hek-* (ср. др.-гр. τέκνον, τέκνον ‘знак, признак’); долгота, вероятно, вторична (см. [Gotō 1987: 115, с прим. 102; Mayrhofer 1986–1996, I: 344 ff.; LIV: 383 ff.]). В ранневедийском этот глагол засвидетельствован только активным интенсивом *-cākaśīti* и т. д. (PB+) ‘рассматривать, видеть, смотреть’ (см. [Schaefer 1994: 102–104; Roesler 1997: 199–204]) и каузативом *sām kāśayāmi* (AB 14.2.12), который, вероятно, означает ‘делать видимым’ (см. [Jamison 1983: 125]; подробную дискуссию соответствующего фрагмента см. в [Schaefer 1994: 103 ff., прим.

¹⁴ См., например [Persson 1912: 574 ff.; Mayrhofer 1986–1996, I: 334].

¹⁵ Так в [Wackernagel 1896: 15] (с колебаниями). Возражения против анализа *kāya-* как презенса I класса, образованного от корня на *i*, т. е. относящегося к типу *gā(i)* ‘петь’ – *gāy-a-ti*, см. в [Persson 1912: 574, сн. 3].

¹⁶ Соответственно, Майрхофер [Mayrhofer 1986–1996, I: 296 ff., 334] рассматривает корни *kan*ⁱ (‘Gefallen an etwas finden, sich freuen’) и *kā* (‘begehren, gern haben’) как неродственные: «Von *Kā* ist *KAN*ⁱ in Konstruktion, Semantik und Herkunft verschieden».

¹⁷ *vanā* большинство ведологов считают аккузативом [Репов 1964: 57; Joachim 1978: 66 ff.]. Поскольку ни один из двух глаголов не встречается в конструкции с инструменталисом (В. Кнобль, устное сообщ.), интерпретация этой формы у Ольденберга [Oldenberg 1909] как инструменталиса едва ли возможна.

¹⁸ Вариант корня *khyā* является результатом вторичного развития *kśā* (сохранившегося в традициях Майтраяни и Катхака); см., в частности [Hiersche 1964: 44–45; Lubotsky 1983: 176; Witzel 1989: 163 ff.].

264]). Непереходный презенс I класса *kāśa-^{te}* ‘становиться видимым, появляться’ встречается начиная с брахман (ШБр, Джайминия-упанишад-брахмана)¹⁹. Несмотря на то, что непереходные употребления засвидетельствованы довольно поздно, некоторые косвенные соображения свидетельствуют в пользу определения исходного значения этого корня как ‘становиться видимым, появляться; рассматривать, видеть, смотреть, считать’; как предполагает Джемисон [Jamison 1983: 125], *kāś* может относиться к тому же синтаксическому типу, что и *drś*, ср. мед. *dadjśé* ‘появляется’ ~ act. *darśáyati* ‘показывает, обнаруживает’. Соответственно, непереходные употребления могут быть предположительно реконструированы для ранневедийского периода²⁰ (ср. генетически родственный корень *sakṣ* ‘смотреть, появляться’, о котором см. [Roesler 1997: 205–209; LIV: 383–385]).

ā-глагол *kśā* (*khyā*) ‘рассматривать, считать’ является преимущественно переходным. Презентный *-yá*-пассив появляется начиная с брахман, но в ранневедийском (РВ) мы находим медиальный тематический аорист (3 sg. *akhyata*), засвидетельствованный в пассивных конструкциях (см. [Kulikov 2001: 58–61], а также детальный анализ соответствующего фрагмента в [Kulikov 2008]):

(14) (РВ 9.61.7с)

sám ādityébhīr akhyata

‘[Сома] появился вместе (и, в силу этого, был ассоциирован) с Адитьями.’

gam ‘идти’ // *gā* ‘идти, шагать’

Несмотря на семантическое и фонологическое сходство этих корней, их исторические отношения далеко не ясны. В ранних работах по индоевропеистике *gam* и *gā* часто сопоставлялись (см., например [Benfey 1837: Sp. 927; Reichelt 1904: 40; Persson 1912: 572 ff.]), и эта точка зрения принята в словаре Майрхофера ([Mayrhofer 1986–1996, I: 466]: «Mit GAM vermutlich wurzelverwandt ... ist GĀ¹»; см. также [Ibid.: 482]). **g^he-* не может быть допустимой структурой корня в праиндоевропейском, и, таким образом, праи.-е. **g^hem-* (> Ved. *gam*) и **g^heh₂-* (> Ved. *gā*) не могут быть непосредственно сопоставлены в терминах расширителей корня. Тем не менее семантическая близость между *gam* и *gā* могла поддерживаться моделью семантически сходной пары *dram* // *drā* ‘бежать’ (см. ниже), которая могла ассоциироваться с *gam* // *gā* как ‘рифмующиеся образования’ (‘rime-words’, ‘Rheimbildungen’)²¹.

Независимо от характера исторических отношений между этими корнями в праиндоевропейском их синтаксическое поведение удивительно напоминает ту картину, которую мы наблюдаем для других *C//ā*-пар. *C*-глагол *gam* – преимущественно непереходный, но его презентный каузатив *gāmáyati* хорошо засвидетельствован начиная с ранневедийского периода (3× в РВ); каузативный аорист *ajīgamat* впервые появляется в АВ (см. [Jamison 1983: 172]). Напротив, каузатив непереходного глагола *gā* (**gāpáyati*) не засвидетельствован.

janⁱ ‘рождать(ся); порождать’ // *jñā* ‘знать’

Попытки свести эти два корня к одному историческому источнику оказались неудачными (см. [Anttila 1969: 130])²². Тем не менее эта пара заслуживает упоминания, в первую очередь потому, что синтаксическое поведение этих глаголов прекрасно соответствует модели типа *pṝ* // *prā*. Глагол *janⁱ*, хорошо засвидетельствованный и в непереходных (pres. *jāya-^{te}*, pf. *jajñé*, медиопассивный аорист *ájani*, сигм. аорист *ájaniṣṭa*), и в переходном-

¹⁹ Единственная засвидетельствованная в мантрах форма, *pra-kāśate* в РВКх 2.1.4, является поздней согласно [Gotō 1987: 115].

²⁰ Так в [Jamison 1983: 125; Gotō 1987: 115; Roesler 1997: 204]; иначе в [Schaefer 1994: 103] («die in der späteren Sprache vorherrschende Bedeutung ‘erscheinen, sichtbar werden’ ... ist wohl erst sekundär über das Oppositionsmedium *-kāśate* ‘wird gesehen, ist sichtbar’ zu ursprünglich transitivem ‘sehen, betrachten’ entstanden»).

²¹ О рифмующихся образованиях, см., например [Bloomfield 1895; Güntert 1914].

²² Отметим, в частности, различие в типе ларингала: *janⁱ* < праи.-е. **g^heh₁-* vs. *jñā* < праи.-е. **g^hneh₃-*; подробнее см. [Mayrhofer 1986–1996, I: 567 ff., 599 ff.].

каузативных (pres. *jána-*²³, *janáya-*²³, pf. *jajāna* и т. д.) употреблениях, может служить хрестоматийным примером диффузного синтаксического типа²³. В отличие от него, *jñā* – преимущественно переходный глагол; пассивные конструкции засвидетельствованы только для презентного пассива *jñāyá-*²⁴ ‘быть известным’ (RV 4.51.6 +; см. [Kulikov 2001: 74–76]).

tan // tā ‘тянуть, растягивать’

Синтаксический тип глагола *tan* ‘тянуть’ может быть определен как диффузный. Существует примечательная корреляция между временами и типом синтаксических конструкций, засвидетельствованная для этого глагола (подробнее о ней см. [Kulikov 1999: 26 ff.]). С одной стороны, формы системы презенса чаще встречаются в переходных (каузативных) конструкциях, как в примерах (15–16):

- (15) (RV 10.125.6a)
ahám rudrāya dhánur ā tanomi
 ‘Я натягиваю лук для Рудры’.
- (16) (RV 4.52.7)
ā dyām tanoṣi raśmíbhír ... úṣaḥ ...
 ‘Ты растягиваешь небо своими лучами, ... о Ушас ...’

С другой стороны, формы перфекта чаще встречаются в непереходных конструкциях, как в примере (17), хотя переходно-каузативные употребления также возможны, ср. (18):

- (17) (RV 6.12.1d)
dūrāt sūryo ná śociṣā tatāna
 ‘Издали [Агни] протянулся, как солнце, [своим] пламенем’.
- (18) (RV 10.80.4c)
agnir divi havuám ā tatāna
 ‘Агни протянул возлияние до неба’.

Вариант корня *tā* никогда не рассматривается как отдельный корень. Его происхождение неясно²⁴. Он засвидетельствован только в гапаксе 3 sg.pf.med. *tate*²⁵ (RV 1.83.5) ‘протянул’ (переходн.), ср. (19) и презентном пассиве *tāyá-*²⁶ (RV+) ‘протягивается, растягивается’.

- (19) (RV 1.83.5a)
yajñáir átharvā prathamáḥ pathás tate
 ‘Атхарван первым протянул пути при помощи жертв’.

В поздневедийском встречается также медиопассивный *-i*-аорист *prātāyi* (гапакс, засвидетельствован в Айтарея-араньяке). Он, по-видимому, был образован под влиянием

²³ См., в частности [Jamison 1983: 154; Gotō 1987: 145–147; Kulikov 2001: 242 ff.].

²⁴ Бругман [Brugmann 1879: 275 ff.] считал, что вариант корня *tā* («Doppelwurzel» *tan // tā*) был образован по аналогии с парами типа *gam // gā* и *jan // jā* (ср. *jāyate* ‘рождается’). Согласно Вакернагелю [Wackernagel 1935–1937: 827], *tā* был выделен из пассива *tāyá-*²⁶ (см. также [Kümmel 2000: 210, с прим. 278]), что, однако, небесспорно.

²⁵ Образован по модели *pā* ‘пить’ – *pape*; регулярная форма, образованная от корня *tan* – *tatne* (засвидетельствовано в RV 10.130.2); см. [Beekes 1985: 48; Kümmel 2000: 210].

²⁶ Существует две возможные морфологические интерпретации этого пассива: он может рассматриваться как образованный от корня *tā* или от *seṭ*-корня *tan*¹. Однако свидетельства в пользу существования *seṭ*-корня *tan*¹ довольно скудны – сюда относятся, помимо собственно *-yá*-пассива *tāyáte*, именны дериваты *uttāná-* ‘вытянутый, растянутый’ (< **ud-tñH-nó-*) и *tanú-* ‘тонкий’ (< **tñH-ú-*); (см. [Beekes 1985], см. также обсуждение и литературу в [Kulikov 2001: 77 ff., с прим. 203]). Регулярный пассив, образованный от *aniṭ*-корня *tan* – *tanyate*. Это вторичное и очень позднее (послеведийское) образование (засвидетельствовано, например, в поздних упанишадах), хотя и фиксируется грамматистами (Pāṇini 6.4.44), не имеет никакой ценности для индоевропейской реконструкции; подробнее см. [Kulikov 2001: 78, прим. 202 (с литературой)].

встречающегося в том же контексте -*ya*-презенса (вероятно, пассивного) *prātāyata*. Обе формы используются для «этимологического объяснения» слова *prātar* ‘рано утром’:

(20) (АйтАр 2.1.5)

taṃ devāḥ prāṇayanta. sa praṇītaḥ prātāyata. prātāyītiṃś. tat prātar abhavat

‘Боги привели его (т. е. прану – дыхание на выдохе) вперед / на восток. Будучи ведомым вперед / на восток, он был расширен²⁷ [дальше / далее на восток]. [Боги сказали:] Он простерся [дальше / далее на восток]. Тогда это стало ранним утром’²⁸. (т. е. *prātar* называется так потому, что он простерся [*prātāyi*])

Таким образом, за исключением одной изолированной формы перфекта (переходн.), вторичный корень *tā* появляется только в двух морфологических образованиях, засвидетельствованных в непереходных (пассивных) конструкциях.

tī̄(tar’) ‘преодолевать, перевозить’ // *trā* ‘защищать, спасать’

C-глагол *tī̄(tar’)* хорошо засвидетельствован и в непереходных (например, презенс I класса *tāra-^{ti}* ‘преодолевать’, ср. (21))²⁹, и в переходно-каузативных конструкциях (ср. презенс VI класса *tirā-^{ti}* ‘перевозить’, т. е. ‘каузировать преодолевать’, в композитах с превербом *prā* обычно означающий ‘делать так, чтобы чей-л. жизненный срок безопасно преодолел (препятствия и опасности) и достиг своего естественного завершения’³⁰, ср. (22)), будучи, таким образом, типичным примером диффузного глагола:

(21) (РВ 6.64.4b)

avāte apās tarasi svabhāno

‘В безветренной [атмосфере] ты (= Ушас) пересекаешь воды, о самосветящаяся’.

(22) (РВ 1.89.2d)

devā na āyuh prā tirantu jīvāse

‘Пусть боги дадут нашему жизненному сроку [благополучно] достичь [своего естественного завершения], для жизни’.

Напротив, *ā*-глагол *trā*, имеющий значение ‘защищать, спасать’ (которое, вероятно, основано на переходно-каузативных употреблениях *C*-глагола *tī̄(tar’)* (‘защищать, спасать’ = ‘каузировать преодолевать’)³¹, засвидетельствован только в переходных конструкциях – в частности, презенсом *trāyate* ‘защищает, спасает’, ср.:

(23) (РВ 7.16.8c)

tāms trāyasva sahasya druho nidāḥ

‘Защити их от обмана, от хулы, о могучий (= Агни)’.

dah // *kṣā* ‘гореть, жечь’

Глагол *dah* ‘жечь’ преимущественно переходный. Однако непереходный презенс *dahya-^{te}*, засвидетельствованный и с корневой («не-пассивной»), и с суффиксальной («пассивной») акцентуацией³², становится весьма употребительным в конце ранневедийского периода, начиная с Атхарваведы. Отметим, что во многих контекстах он допускает и пассивную (‘*X* сжигается’) и не-пассивную непереходную, или антикау-

²⁷ Или: ‘он растянулся’ (антикаузатив?).

²⁸ Пользуюсь случаем поблагодарить В. Кнобля за подробное обсуждение этого фрагмента.

²⁹ Отметим, что аккузатив в таких конструкциях обозначает направление движения, а не пациенс (= «affizierter Objekt» в терминах [Gotō 1987]; см. также [Haudry 1977: 318 ff.]). Соответственно, такие конструкции должны рассматриваться как непереходные с аккузативом. К обсуждению этой проблемы см., в частности [Jamison 1983: 26 ff.].

³⁰ См. [Gotō 1987: 161 ff.; Kulikov 2001: 351–353]. О каузативных парах, образуемых презенсами I и VI классов, см. также [Gotō 1987: 57 ff.; Kulikov 2000b: 277 ff.].

³¹ См. [Mayrhofer 1986–1996, I: 679 ff.] («Iir. *traH ‘schützen’ wird vielfach als idg. *treh₂ neben *terh₂ (TAR¹) gestellt...; doch bleibt dies aus formalen und semantischen Gründen unsicher»).

³² *dāhya-^{te}* в РВКх; *dahya-^{te}* в ЯВ и ШБр (рецензия Канва).

зативную ('X горит, в пламени'), интерпретации, как в примерах (24–25) (подробнее см. [Kulikov 2001: 292–298]):

- (24) (AB 12.4.3)
vaṇḍáyā dahyante gṛhāḥ
'[Когда дается] хромая [корова], дома [дающего] сжигаются / сгорают'. (из перечня негативных последствий дарения риши коров с дефектами)
- (25) (ШБр 14.2.2.54)
sá yád vānaspatyáḥ syāt, prá dahyeta; yád dhiraṇmáyaḥ syāt, prá līyeta
'Если бы он (= сосуд) был сделан из дерева, он сгорел бы; если бы [он был] сделан из золота, он расплавился бы'.

Таким образом, к концу ранневедийской эпохи *dah* скорее тяготеет к диффузным, нежели к преимущественно переходным глаголам.

Напротив, *ā*-корень *kṣā* (< **dʰgʰh-eh*₁-; см. [Mayrhofer 1986–1996, I: 430; LIV: 133 ff.]), засвидетельствованный, например, презенсом IV класса *kṣāya-*ⁱⁱ (ABПайпп+; см. [Kulikov 2001: 397 ff.]), является преимущественно непереходным. Каузативные морфологические образования от этого корня появляются начиная с поздней Ригvedы (инъюнктив каузативного аориста *cikṣipas* РВ 10.16.1; през. кауз. *kṣāpāya-*ⁱⁱ АВ+; см. [Jamison 1983: 140]).

dru (*drav*) // *drā* 'бежать'

Синонимические корни *dru* и *drā*, несомненно, родственны и, возможно, даже образовывали одну супплетивную парадигму, с презенсом I класса от корня *dru* (*dráva-*ⁱⁱ) – с одной стороны, и корневым и сигматическим аористами от корня *drā* (3 sg.subj.act. *drāsat* и т. д.) – с другой; см. [Gotō 1987: 178; Kümmel 2000: 254; LIV: 129]. Соотношение синтаксических характеристик морфологических образований корней этой пары в целом то же, что и для корней пар типа *gam* // *gā*. С-корень *dru* употребляется в основном в непереходных конструкциях, но каузатив *drāváyati* дважды засвидетельствован в РВ (о его древности, см. [Jamison 1983: 114]). Каузатив от корня *drā*, *drāpayati* впервые появляется в средневедийском, в Шатапатха-брахмане (9.1.1.24)³³.

*dham*ⁱ // *dhmā* 'дуть, раздувать(ся)'

Члены этой пары обычно рассматриваются как варианты одного корня, а не как отдельные корни. Большинство форм, образованных от С-варианта (в первую очередь, презенс I класса *dháma-*ⁱⁱ ³⁴, о котором см. [Gotō 1987: 180 ff.]), встречаются в переходных конструкциях, за исключением презентного пассива *dhamyate*³⁵, ведийского гапакса, засвидетельствованного в поздней РВ:

- (26) (РВ 10.135.7с)
iyám asya dhamyate nāḥ
'В эту его (= Ямы) флейту дует (Яма) (букв.: дуется)'.

ā-вариант слабо засвидетельствован в ранневедийском. Его синтаксический тип может быть предположительно охарактеризован как (преимущественно) переходный. Единственная засвидетельствованная финитная форма – сигматический аорист *-adhmasam*, появляющийся в Атхарваведе, в рецензии Пайппалада (см. [LIV: 153]):

³³ Существует еще один С-корень, *dram*, но обнаруживаемые в ведийском корпусе данные, позволяющие сделать какие-либо заключения о его синтаксическом типе (непереходный?), скудны. Единственная форма, засвидетельствованная в ведийском, причастие интенсива *dandramyamāṇa-* 'бегающий (вокруг)', появляется в упанишадах, т. е. в конце ведийского или даже в послеведийский период (см. [Schaefer 1994: 47; LIV: 128; Kulikov 2001: 229, с прим. 708]).

³⁴ К историческому объяснению вторичного характера корневой ступени *dham-* см. выше прим. 1.

³⁵ Относительно краткости гласной в этой форме (*dhamyate* вместо ожидаемого ***dhāmyate*), см. [Kulikov 2001: 99 ff.].

- (27) (АВПайпи 1.59.6ab)
prāhaṃ glāvam adhmāsam ' nir ahaṃ glāvam adhmāsam
 'Я сдуваю прочь опухоль, я выдуваю опухоль'³⁶.

Помимо этой формы мы находим лишь нефинитные дериваты: 1) глагольное прилагательное *dhmātá-* 'раздутый' (РВ 7.89.2); 2) имя деятеля *dhmātar-* 'дующий' и 3) имя действия *dhmātár-* 'всер; тот, кто дует' (оба в стихе РВ 5.9.5). В то время как пассив, образованный от *C*-варианта корня, *dhamyate*, является ригведийским гапаксом, презентный пассив *dhmāyá-^{te}* впервые появляется в поздневедийском (ДжБр, Уп.; см. [Kulikov 2001: 100–102]).

dhī (dhayⁱ) // dhyā 'рассматривать, думать (о), размышлять'

Глагол *dhī (dhayⁱ)* зафиксирован главным образом в перфекте *dīdhaya* (также в плюсквамперфекте *ádīdhet* и редуцированном презенсе, образованном на основе субъюнктива перфекта) и хорошо засвидетельствован в ранневедийский период в переходных употреблениях; подробный обзор существующих форм см. в [Kümmel 2000: 257–261]. *ā*-корень *dhyā* появляется, в частности, в презенсе IV класса *dhyāya-ⁱ* 'думать (о ком-/чем-л.), медитировать, размышлять' (в конструкциях с аккузативом), который впервые встречается в конце ранневедийского периода (АВПайпи. 9.21.1–12), но становится употребительным только в средневедийском (ЯВ^{P+}); см. подробнее об этом [Kulikov 2001: 422–425].

pī (payⁱ) // pyā 'набухать'

C-глагол *pī (payⁱ) [pi (pay)?]³⁷* хорошо засвидетельствован и в непереходных, и в переходно-каузативных употреблениях. Синтаксис тематического носового презенса *pīnva-^{ti/te}* зависит от типа окончания: медиальные формы обычно употребляются в непереходных конструкциях ('набухать'), как в примере (28), в то время как активные формы являются переходно-каузативными ('каузировать набухать'), ср. (29):

- (28) (РВ 9.64.8c)
samudrāḥ soma pīnvase
 'Ты набухашь [как] океан, о сома'.

- (29) (РВ 1.64.5d)
bhūmim pīnvanti páyasā párijrayaḥ
 '[Маруты], бегающие вокруг, заставляют землю набухать молоком'.

Ср. также лабильный синтаксис активного перфекта (в основном, впрочем, засвидетельствованного в непереходных конструкциях) (см. [Kümmel 2000: 298–304]):

- (30) (РВ 1.181.8c)
vṛṣā vām meghó vṛṣaṇā pīpāya
 'О (два) быка, набухло ваше дождевое облако'.

- (31) (РВ 1.116.22)
staryām pīpyathur gām
 'Вы (двое) наполнили (букв. каузировали набухать) яловую корову [молоком]'.

Напротив, *ā*-глагол *pyā* 'набухать' (*-ya*-презенс *-pyāya-^{te}* и т. д.) встречается в РВ только в непереходных конструкциях, как в примере (32)³⁸; *-āya*-каузатив *pyāyāyati* впервые появляется в Атхарваведе (см. [Jamison 1983: 149]):

³⁶ Пользуюсь случаем поблагодарить Т. Цендера за ценные комментарии к интерпретации этого фрагмента.

³⁷ Данные, позволяющие судить о морфонологическом типе корня, т. е. *aniṭ (pi)* или *seṭ (pī)*, противоречивы. В частности, презенс с суффиксом *-nv-* (*pīnv-*) скорее указывает на тип *aniṭ* (см. также [Joachim 1978: 106, прим. 278]). Обсуждение этой проблемы резюмируется в [Mayrhofer 1986–1996, II: 83–85] («Die Argumente für eine Seṭ-Wurzel sind wohl stärker») и [Kümmel 2000: 298, прим. 487] («Sichere Hinweise auf aniṭ-Wurzel fehlen im Verbalparadigma»).

³⁸ Об образованиях от этого корня см. [Kümmel 2000: 316–317; LIV: 465; Kulikov 2001: 249–250].

(32) (PB 10.85.5ab)

yát tvā deva prapibanti ' táta ā pyāyase púnah

‘Когда тебя выпивают, о бог, тогда (ты = Сома) набухаешь снова’.

bhan ‘говорить’ // *bhā* ‘сиять’

Глагольные корни *bhan* ‘говорить’ и *bhā* ‘сиять’ (ср. также *bhāṣ* ‘говорить’ и *bhās* ‘сиять’) обычно считаются этимологически родственными в индоевропеистике, несмотря на значительное семантическое различие между ними³⁹. Синтаксические особенности *ā*-глагола *bhā* сильно напоминают характеристики *gā*, *ā*-корня из формально сходной пары *gam* // *gā* (о которой см. выше). Единственное ранневедийское (PB +) морфологическое образование от корня *bhā*, корневой презенс *bhāti*, встречается в непереходных конструкциях, как в (33)⁴⁰; каузатив этого корня в санскрите не засвидетельствован.

(33) (PB 6.48.3ab)

vṛṣā hy āgne ajāro ' mahān vibhāsy arcīṣā

‘Поскольку ты, о Агни, великий нестареющий бык, сияешь своим пламенем...’

Напротив, глагол *bhan*, хотя и слабо засвидетельствованный в ведийском (встречается лишь четыре раза в Ригведе, в презенсе I класса *bhāna*-^{ti/te}), обнаруживает гораздо большее разнообразие синтаксических моделей. Активные формы (3 sg.act. *bhānati* в PB 6.11.13 и 3 pl.act. *bhananti* в PB 4.18.6) засвидетельствованы в переходных конструкциях, как в примере (34); медиальная форма *bhananta* появляется в рефлексивном (PB 7.18.7; ср. (35)) и реципрокальном (PB 4.18.7) употреблениях; см. [Gotō 1987: 222 ff., с прим. 472–473].

(34) (PB 4.18.6c)

etā vi pṛcha kīm idām bhananti

‘Расспроси их, что они здесь говорят’. (или: ‘...почему они это говорят’)

(35) (PB 7.18.7ab)

ā pakthāso bhalānāso bhanantālināso viṣāṇīnaḥ śivāsaḥ

‘Пактхи, бхаланы, алины, вишанины объявили себя добрыми [друзьями Индры]’.

bhas ‘пожирать’ // *psā* ‘жевать’

И *C*-глагол *bhas* ‘пожирать’ (PB+), и этимологически родственный ему *ā*-глагол *psā* (< **b^hs-ā-*; см. [Mayrhofer 1986–1996, II: 198, 257; LIV: 82, 98]) ‘жевать’ (AB+) являются преимущественно переходными; их пассивы не засвидетельствованы.

man ‘думать, считать; уважать’ // *mnā* ‘упоминать’

Глагол *man* засвидетельствован в переходных употреблениях двух типов: (i) презенс IV класса *mānu*-^{te} и сигматический аорист (*āmansta*, *manṣi* и т. д.) в основном встречаются в конструкциях с прямой речью, в значении ‘X [НОМ.] думает, что P’, или же с двойным аккузативом (‘X [НОМ.] считает Y-а [АСС.] Z-ом [АСС.]’; ‘X [НОМ.] считает / верит, что Y [АСС.] – Z [АСС.]’), как в (36):

(36) (PB 5.9.1c)

mānye tvā jātāvedasam

‘Я считаю тебя Джатаведасом’.

³⁹Ср. также гр. φημί ‘заявлять’ и φαίνομαι ‘появляться’; см. [Mayrhofer 1956–1980, III, 494; 1986–1996, II: 244, 260; LIV: 68–70, статьи «1. **b^heh₂-* ‘glänzen, leuchten, scheinen’» и «2. **b^heh₂-* ‘sprechen, sagen’» («morphologisch homonym ... wohl urspr. identisch (semantische Entwicklung etwa ‘leuchten’ → *‘hell machen’ → *‘klar machen’ → ‘sagen’))». О семантических ассоциациях ‘сиять’ ↔ ‘звучать’, см. также [Kronasser 1968: 148, 151].

⁴⁰Подробное обсуждение значения и синтаксических моделей глагола *bhā* см. в [Roesler 1997: 78–90].

(ii) Презенс *manuté* (VIII класс в традиционной классификации; исторически – презенс с суффиксом *-nu-* **mṛ-nu-tai*) обычно управляет аккузативом или генитивом божества или его/ее аспектов, в значении ‘уважать, вспоминать с уважением’. Корневой аорист (*ámata*, *ámanmahí* и т. д.) чаще всего встречается в употреблении этого же типа (‘уважать’ и т. д.), хотя употребления типа (i) для него также засвидетельствованы⁴¹.

-*ya*-презенс *mánuya-*^{te} также часто встречается в непереходных (рефлексивных) употреблениях, в значении ‘X [НОМ.] считает себя Z-ом [НОМ.]’; ‘X [НОМ.] считает / верит, что он/она – Z [НОМ.]’, как в примере (37):

(37) (PB 8.48.6)

áthā hi te máda á soma mánye revām iva

‘... и ведь в опьянении тобой, о Сома, я кажусь себе будто бы богатым’.

Вторичный *ā*-корень *mñā*, традиционно рассматривающийся как расширение *man* (см., например [Maughofer 1986–1996, II: 385; LIV: 447]), засвидетельствован начиная со средне-/поздневедийского периода (*ā-mñāta-* Бр., *ā-mñāyá-* Ар.+ и т. д.; см. [Gotō 1987: 239; 1997: 1025]). Этот глагол – преимущественно переходный; его презентный пассив впервые появляется в послеведийском тексте Бхарадваджа-шраутасутре (3 pl. *ā-mñāyante*).

mṛ (*mar*) ‘дробить’ // *mlā* ‘вянуть’

Глагол *mṛ* (*mar*) ‘дробить’ преимущественно переходный (его редкий пассивный презенс *mūryá-*^{te} встречается только в ШБр 1.7.3.21 ≈ 1.7.4.12). Этимологически родственный ему *ā*-корень *mlā* ‘вянуть’⁴², засвидетельствованный, в частности, в презенсе IV класса *mlāya-*^{ti} (АВПайпп, ШБр; см. [Kulikov 2001: 448]), является преимущественно непереходным; его каузатив *mlāpāya-*^{ti} впервые появляется в Атхарваведе (см. [Jamison 1983: 143]).

śṛ // *śrā* ‘готовить(ся); варить(ся)’

Единственная ранневедийская презентная форма (прич. *śrāyant-*⁴³) от *ā*-корня *śrā*⁴⁴ появляется в довольно неясной конструкции (38), которую можно предположительно интерпретировать как непереходную, если принять перевод, предложенный для этого фрагмента К. Хоффманном:

(38) (PB 8.99.3ab)

śrāyanta iva sūryam ' viśvéd indrasya bhakṣata

‘Wie gar werdende (= sich erhitzende) Leute (Anteil) an der Sonne (haben), so haben sie Anteil an allen (Gütern) des Indra’. [Hoffmann *apud* Joachim 1978: 162; Narten 1987: 272 ff. [= Narten 1995: 342 ff.], сн. 3]

-*āya*-каузатив *śrapāyati* ‘варит, готовит’ впервые появляется в Атхарваведе (засвидетельствован, в частности, в АВШаун 11.1.4; см. [Jamison 1983: 145]). Редуплицированный каузативный аорист впервые встречается в брахманах (ШБр-Мадхьяндина 3.8.2.28 = ШБр-Канва 4.8.2.21 *áśiśrapāta* ‘мы сварили’).

⁴¹ К обсуждению засвидетельствованных форм и синтаксических конструкций, см. [Oertel 1941: 88 ff.; Joachim 1978: 121; Gotō 1997: 1016 ff.; Kümmel 2000: 360–364; Kulikov 2001: 253–260; Hettrich 2004].

⁴² *mṛ* и *mlā* связывают сразу с двумя и.-е. корнями: **melh₁-* (**melh₂-?*) ‘размалывать’ и **merh₂-* ‘хватать; сокрушать’ (см. [Maughofer 1986–1996, II: 319 ff., 388 ff.; LIV: 432 ff., 440]), по-видимому, уже совпавшими с синхронной точки зрения в период Ригvedы.

⁴³ Об этом *-ya*-презенсе и его формах, встречающихся в период после Ригvedы, в Майтраяни-самхите и Тайттирия-араньяке, см. [Kulikov 2001: 478].

⁴⁴ Этимологически не родственен корню *śrī* ‘делать совершенным’, през. *śrīṇāti*; см. [Narten 1987]. Об этимологических связях и возможных параллелях *śṛ* // *śrā*, см. [LIV: 323].

Данные, позволяющие сделать какие-либо заключения о синтаксическом типе *С*-корня *śṛ/śar* (класс *anṭ*), скудны. Он засвидетельствован только глагольным прилагательным *śṛtá-* ‘вареный; готовый’ (PB+), которое может основываться как на переходном (‘варить’), так и на непереходном (‘становиться готовым, готовиться’) глаголе.

hū (havʹ) // hvā ‘звать’

Глагол *hū (havʹ)* преимущественно переходный (презенсы *háva-^{te}* и *hváya-^{ti}* ‘зовет’, перф. *juhāva* ‘позвал’ и т.д.; см. [Gotō 1987: 347 ff.; Kümmel 2000: 606 ff.]), но соответствующие пассивы [през. *hūyá-^{te}* PB+; причастие пассивного аориста *huvāná-* PB⁴⁵; ср. (39–40)] хорошо засвидетельствованы начиная с ранневедийского периода (см. [Kulikov 2001: 232–235]):

(39) (PB 8.65.1ab = 8.4.1ab)

yád indra prág ápāg údañ ' nyàg vā hūyáse nṛbhiḥ

‘Когда ты, о Индра, призываешься людьми на Востоке, Западе, Севере, или на Юге...’

(40) (PB 10.112.3c)

asmābhir indra sákhibhir huvānáḥ

‘Призванный нами, друзьями, о Индра...’

Вариант корня *hvā* (= полная ступень II) мог возникнуть по аналогии с теми *ā*-корнями, которые образуют презенсы с суффиксом *-áya-*, – такими, как *dhā – dháyati* ‘сосет’ и *dā – dáyate* ‘распределяет’ (т.е. *dhā : dháyati = X : hváyati*)⁴⁶. Все морфологические образования от варианта корня *hvā*, а именно: имя деятеля *hvātar-* (ДжБр), будущее время *hvāsyá-^{ti/te}*, кауз. *-hvāpayati* (ШрС.) и т. д., начинают появляться лишь в поздневедийских текстах и, таким образом, их ценность для исторического анализа глагола невелика (ср., впрочем, позднеавест. *zbātar-*); см. обсуждение этих форм в [Gotō 1987: 350, сн. 863; Kümmel 2000: 608; LIV: 180–181]. Все эти морфологические образования встречаются в переходных конструкциях.

4. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ *ā*-ГЛАГОЛОВ: ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ФОРМУЛИРОВКА

Результаты данного исследования суммируются в приводимой ниже Таблице 1. Глаголы, принадлежащие к обсуждавшимся выше парам, распределены по пяти синтаксическим классам в соответствии с их синтаксическими признаками и переходностью. Два недиффузных класса включают (1) непереходные глаголы, чьи каузативы не засвидетельствованы или очень редки в ранневедийских текстах (т. е. в PB и AB), и (5) переходные глаголы, чьи пассивы не засвидетельствованы или очень редки в ранневедийском. Три диффузных класса состоят из (2) базисно-непереходных глаголов, чьи *-áya-*каузативы засвидетельствованы уже с ранневедийского периода (слабо-диффузные интранзитивы); (3) глаголов, которые хорошо засвидетельствованы и в непереходных, и в переходных (каузативных) употреблениях (собственно диффузные глаголы); и (4) базисно-переходных глаголов, чьи непереходные (пассивные) дериваты засвидетельствованы уже с ранневедийского периода (слабо-диффузные транзитивы). Глаголы этих пяти синтаксических классов могут быть упорядочены в Иерархии Диффузности (41) в соответствии с их степенью диффузности / недиффузности:

(41) Иерархия Диффузности

(3)	(2),(4)	(1),(5)
диффузные	слабо-диффузные	недиффузные

⁴⁵ О причастиях пассивного аориста см. [Kulikov 2006a: 64 ff.; 2006b].

⁴⁶ Таково, по-видимому, происхождение еще одного вторичного *ā*-корня, *vā* (// *u (av)*) ‘ткать’; см. [Hoffmann 1974: 23, прим. 17; Mayrhofer 1986–1996, I: 275 ff.; II: 538; LIV: 224].

Синтаксические классы глаголов, образующих пары по модели C//ā

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Недиффузные (непереходные)	Диффузные		Недиффузные	Недиффузные
	(слабо-диффузные)		(слабо-диффузные)	(переходные)
только непереходные употреблены; каузативы не засвидетельствованы / редки или поздние	преимущественно непереходные глаголы; -āya-каузативы не засвидетельствованы	непереходные и переходные (каузативные) употреблены (хорошо) засвидетельствованы	преимущественно переходные глаголы; непереходные (пассивные) употреблены не засвидетельствованы	переходные глаголы; пассивы не засвидетельствованы / редки или поздние

модель CaC // C(C)ā

<i>yā</i> 'схватить'		<i>i</i> (ay) 'идти'		<i>kā</i> 'желать'
<i>gā</i> 'шагать'	<i>gam</i> 'идти'	<i>kan</i> 'радоваться'	<i>kśā</i> (<i>khyā</i>) 'смотреть'	
<i>drā</i> (// <i>dram</i> ?) 'бежать'	<i>kṣā</i> 'гореть' <i>dru</i> 'бежать' <i>pyā</i> 'набухать'	<i>kāś</i> 'появляться(?); видеть'	<i>śā</i> (<i>tā</i>) 'жечь'	
<i>bhā</i> 'сиять'		<i>tan</i> 'тянуть'	<i>bhan</i> 'говорить'	<i>bhas</i> 'пожирать' // <i>psā</i> 'жевать' (<i>mnā</i> 'упоминать')
	<i>śrā</i> 'готовиться'	<i>pi</i> (<i>pī</i> ?) 'набухать'		
		<i>tan</i> 'думать, уважать'		
		(<i>śṛ</i> ?)		

модель CṜ(CaRⁱ) // CRā

		[<i>jan</i> ⁱ 'рождать(ся)' <i>tṛ</i> (<i>tar</i> ⁱ) 'преодолевать, перевозить'	<i>jñā</i> 'знать']	<i>trā</i> 'защищать, спасать'
			<i>dham</i> ⁱ 'дуть'	(<i>dhmā</i>) <i>dhī</i> (<i>dhay</i> ⁱ)// <i>dhyā</i> 'думать, размышлять'
	<i>mlā</i> 'вянуть'	<i>pṛ</i> (<i>par</i> ⁱ) 'наполнять(ся)'		<i>prā</i> 'наполнять'
			<i>hū</i> (<i>hav</i> ⁱ) 'звать'	<i>mṛ</i> (<i>mar</i> ⁱ) 'дробить' (<i>hvā</i> 'звать')

Сколь ни разнообразными могут показаться синтаксические свойства *C-* и *ā-* глаголов, есть, по крайней мере, одна примечательная особенность (сформулированная в виде гипотезы в разделе 2), которая является общей почти для всех *ā-* глаголов и, таким образом, делает распределение по классам неслучайным. *ā-* глаголы (показанные полужирным шрифтом в таблице) в целом обнаруживают гораздо меньше синтаксической «гибкости», встречаясь либо главным образом / исключительно в непереходных, либо главным образом / исключительно в переходных употреблениях, и, таким образом, относятся к **недиффузному синтаксическому типу**. Соответствующие *C-* глаголы характеризует значительное разнообразие синтаксических признаков, но в целом они **более диффузны** – иными словами, обнаруживают больше синтаксической «гибкости». Ср. в особенности *yā* (непереходный) // *i* (*ay*) (непереходные и переходные употребления), *trā* (переходный) // *tī* (непереходные и переходные употребления), *drā* (непереходный) // *dru* (*drav*) (непереходные и переходно-каузативные употребления). В паре *pyā* // *pi* (*pī* ?) *pī* хорошо засвидетельствовано и в непереходных, и в переходных употреблениях уже в РВ, в то время как *pyā* преимущественно встречается в непереходных конструкциях; *-āya-* каузативы впервые появляются в АВ (4х); таким образом, *ā-* глагол, очевидно, менее диффузен (слабодиффузен), чем производный корень, по крайней мере в языке РВ. Есть также несколько пар, где оба участника принадлежат к одному синтаксическому классу, ср. *dhyā* // *dhī* (*dhayⁱ*) (оба – переходные) и *psā* // *bhas* (оба – переходные). Единственная пара, где *ā-* глагол может считаться (несколько) более диффузным, чем соответствующий *C-* глагол – это *mlā* // *mī* (*marⁱ*). *mlā* – преимущественно непереходный, в то время как *mī* – переходный, но каузатив к первому из них, *mlāpāyaⁱⁱ*, засвидетельствован несколько раньше (начиная с Атхарваведы), чем пассив второго, *mūryā^{te}*, который встречается только в ШБр. В действительности, однако, это исключение, которое подтверждает правило: из-за различия в конечном сонанте (*l/r*; вероятно, диалектная особенность) исторические отношения *mlā* и *mī* (*marⁱ*) более «стерты», чем отношения между членами любой другой пары, и, с синхронной точки зрения, они явно не образуют единства.

Что же касается более частных синтаксических особенностей глаголов, образованных от *C-* и *ā-* корней, наблюдаются следующие закономерности.

(i) В парах по модели перестановочного аблаута *CaRⁱ* (*C^R*) // *CRā* (т. е., на уровне праиндоиранской реконструкции, **CaRH-* // **CRaH-*), *ā-* глагол часто является **переходным**, в отличие от более **диффузного** *C-* глагола; ср. в особенности *tī* (*tarⁱ*) ‘преодолевать, перевозить’ // *trā* ‘защищать, спасать’ и *pī* (*parⁱ*) // *prā* ‘наполнять(ся)’. Интересно отметить, что презентный пассив с суффиксом *-ya-* и пассивный аорист (*i-* аорист) не засвидетельствованы в ведийском для большинства из этих *ā-* корней. Так, *aprāyī* является гапаксом, встречающимся только в РВКх и Атхарваведе; *dhmāyate* впервые появляется в поздневедийский период; пассив *trāyate* ‘защищается, спасается (кем-л.)’ не встречается до классического санскрита; для прочих *ā-* корней *-ya-* пассивы и *i-* аористы не засвидетельствованы.

(ii) Напротив, многие *ā-* глаголы, входящие в пары по модели *CaC* // *C(C)ā*, т. е., с диахронической точки зрения, содержащие расширение корня (суффикс) *-ā-* (< праи.-е. **-eH-*), – (преимущественно) **непереходные**, в отличие от более **диффузных** *C-* глаголов. Заметим, в частности, что презентные каузативы с суффиксом *-(p)āya-* (хорошо засвидетельствованные в ранневедийском для ряда корней на *-ā*, типа *sthā* ‘стоять’ и *dhā* ‘сосать’), носят сравнительно поздний характер или полностью отсутствуют для *ā-* корней из *CaC* // *C(C)ā*-пар. Так, каузативы к корням *yā* и *drā* впервые появляются в брахманах (т. е. в средневедийский период); каузатив к *gā* не засвидетельствован. Интранзитивизирующее воздействие *-ā-* очевидно также в паре *dah* // *kṣā*: в отличие от *dah*, который является базисно-переходным, но позднее перемещается в направлении диффузного типа, *kṣā* – преимущественно непереходный глагол, от которого образуется *-āya-* каузатив.

5. К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ *C//ā*-ЧЕРЕДОВАНИЯ

Многое остается неясным в том, что касается происхождения описанных выше корреляций между формальными типами *C//ā*-чередования и синтаксическими свойствами соответствующих глаголов. В целом материал индоевропейских языков за пределами индоиранского содержит мало параллелей к синтаксическим моделям, описанным в разделе 4. У многих *ā*-глаголов вообще нет надежных параллелей за пределами индоиранского, и, таким образом, истоки этого синтаксического распределения следует искать на индоиранской (или даже индоарийской) почве.

Существует ряд исторических механизмов, которые могли бы объяснить возникновение корреляции между формальными (морфонологическими) моделями и синтаксическими характеристиками соответствующих глаголов.

(i) В случае модели *CaC//CCā* (преимущественно) непереходный характер некоторых *ā*-глаголов может проистекать из интранзитивизирующей / стативной функции праиндоевропейского суффикса **-ē-* (**-eH-*). В действительности, как упоминалось выше, сопоставление с этим суффиксом сопряжено с некоторыми проблемами: в то время как в 'стативном' суффиксе **-ē-* реконструируется *h₁* (**eh₁-*; см. [Beekes 1995: 230]), в большинстве перечисленных выше *ā*-корней мы, вероятно, имеем дело с рефлексами другого ларингала, *h₂*. Ниже приводится полный перечень соответствующих корней и их общепринятых реконструкций, главным образом на основании этимологического словаря Майрхофера [Mayrhofer 1986–1996] и лексикона индоевропейского глагола [LIV]:

<i>h₁</i>	:	<i>kṣā</i>	< <i>*d^hg^h-eh₁-</i> 'гореть' (непереходный с <i>-áya</i> -каузативом)
		<i>prā</i>	< <i>*pleh₁-</i> 'наполнять' (переходный)
		<i>mlā</i>	< <i>*mleh₁-</i> (?) 'увядать' (непереходный с <i>-áya</i> -каузативом)
<i>h₂</i>	:	<i>kā</i>	< <i>*keh₂-</i> (?) 'жаждать, наслаждаться' (переходный)
		<i>gā</i>	< <i>*g^heh₂-</i> 'идти, шагать' (непереходный)
		<i>trā</i>	< <i>*treh₂-</i> 'защищать, спасать' (переходный)
		<i>drā</i>	< <i>*dreh₂-</i> 'бежать' (непереходный)
		<i>bhā</i>	< <i>*b^heh₂-</i> 'сиять' (непереходный)
		<i>mnā</i>	< <i>*mn-eh₂-</i> 'упоминать' (переходный)
		<i>yā</i>	< <i>*(H)ieh₂-</i> 'ехать' (непереходный)
<i>h₃</i>	:		надежных примеров нет
<i>H</i> (тип ларингала неизвестен)	:	<i>kśā</i>	< <i>*k^sk-eH-</i> 'видеть, рассматривать, причислять' (переходный с пассивом)
		<i>dhmā</i>	< <i>*d^hmeH-</i> 'дуть, раздувать(ся)' (переходный)
		<i>dhyā</i>	< <i>*d^hieH-</i> 'рассматривать, размышлять' (переходный)
		<i>pyā</i>	< <i>*pieH-</i> 'набухать' (непереходный)
		<i>psā</i>	< <i>*b^hs-eH-</i> 'жевать' (переходный)
		<i>śrā</i>	< <i>*kl-eH-</i> ⁴⁷ 'готовиться' (непереходный (?) с <i>-áya</i> -каузативом)
		<i>hvā</i>	< <i>*g^hueH-</i> ⁴⁸ 'звать' (переходный)

Очевидно, есть только один-два надежных примера, где непереходность *ā*-глагола может быть объяснена как прямой рефлекс интранзитивизирующей функции праиндоевропейского суффикса **-eh₁-*. Отметим, однако, что развитие синтаксических характеристик (не-диффузности) *ā*-глаголов следует, по-видимому, относить к праиндоиранской эпохе, когда три праиндоевропейских ларингала уже совпали. Соответственно, нельзя исключить, что всего несколько (производных) корней с рефлексом праиндоевропейского 'стативно-интранзитивизирующего' суффикса **-eh₁-* > праинд.-ир. **-aH-* (**d^hg^h-eh₁-?*, **kl-eh₁-?*) могли вызвать и/или поддержать развитие таких синтаксических свойств глагольных форм, образованных от всех корней структуры **CC-aH-*, независимо от типа праиндоевропейского ларингала.

⁴⁷ **kl-eh₁-?* [LIV: 323].

⁴⁸ Вероятно, *h₂* или *h₃*; см. [Mayrhofer 1986–1996, II: 811; LIV: 181].

(ii) В некоторых случаях синтаксические особенности форм, образованных от различных ступеней одного глагола / корня (ср., с одной стороны, переходный аорист *aprāt*, с другой – непереходный презенс *pūryate* и переходно-каузативный презенс *pṛñāti*), могли ассоциироваться с соответствующими (C- vs. ā-) вариантами корня. Вслед за этим одна парадигма могла разделиться на две подпарадигмы, и, соответственно, одна лексическая единица (один глагол) расщеплялся на два различных (хотя исторически и деривационно связанных) глагола. Таким образом, переходный синтаксис корневого аориста *āprās* мог быть обобщен для всех морфологических образований, построенных на полной ступени II типа корня *pṛ/ prā* ‘наполнять(ся)’, в отличие от морфологических образований, построенных на нулевой ступени (pres. *pūrya-te*, *pūryá-te*, *pṛñāti*, *pṛñá-te*), что, в конечном счете, привело к расщеплению одной лексической единицы на две, *pṛ* (*pūr*) ‘становиться полным; наполнять(ся)’ и *prā* ‘наполнять’ (см. [Albino 1999; Kümmel 2000: 325–328]), отличающихся синтаксическими признаками: диффузный vs. (преимущественно) переходный тип. Это различие в синтаксисе могло быть экстраполировано на другую пару корней той же модели (*CaRⁱ // CRā*) – *tṛ* ‘преодолевать, перевозить’ // *trā* ‘защищать, спасать’. В некоторых случаях это синтаксическое различие могло сопровождаться идиоматическими сдвигами в семантике глаголов (ср. *tṛ* (*tarⁱ*) ‘преодолевать, перевозить’ // *trā* ‘защищать, спасать’; *man* ‘думать, считать; уважать’ // *mñā* ‘упоминать’), но они носят менее регулярный характер, чем обсуждавшиеся выше синтаксические оппозиции.

(iii) Наконец, нельзя исключить, что различие в синтаксических свойствах между некоторыми исторически (и семантически) не связанными, но формально сходными корнями внесло свой вклад в эволюцию функциональной (синтаксической) нагрузки C//ā-чередования. Особенно интересной в этом отношении является пара *janⁱ* ‘рождать(ся); порождать’ // *jñā* ‘знать’. Несмотря на отсутствие семантических и исторических связей между этими корнями (см. выше), их формальное сходство и примечательное различие в синтаксическом поведении (*janⁱ* – диффузный; *jñā* – преимущественно переходный) могло дополнительно поддерживать синтаксические оппозиции между членами этимологических пар по модели *CaRⁱ // CRā* типа *pṛ* (*parⁱ*) // *prā*.

6. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ: СТАТУС C//ā-ЧЕРЕДОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ

В заключение следует сказать несколько слов о характере C//ā-чередования в системе глагольных категорий. Хотя связь его с такими синтаксическими характеристиками глаголов, как переходность, лабильность (диффузность) и т. д., кажется бесспорной, по крайней мере для значительной части таких пар, говорить о принадлежности этого морфо(но)логического явления к разряду валентных (залоговых в широком смысле термина) категорий было бы преждевременно. Идиосинкретический характер изменений, происходящих с глагольной семантикой при образовании ā-варианта, не позволяет охарактеризовать эту морфологическую операцию как (ин)транзитивизацию из числа известных нам валентных дериваций. Скорее мы имеем здесь дело с достаточно сложной операцией, затрагивающей и семантику глагольного корня, и его синтаксические характеристики, и парадигматические свойства, причем влияние его на синтаксис глагола носит характер тенденции, а не четкого правила. Такая синхронная размытость данного явления объясняется, по-видимому, неоднородностью происхождения C//ā-чередования (о чем шла речь выше) и его диахронической нестабильностью: не успев прочно укорениться в древнесиндоарийской глагольной системе, оно начинает терять свою функциональную нагрузку уже в конце ранневедийского периода и, в особенности, в средневедийском, в связи с перестройкой системы валентных дериваций и, в частности, в связи со стремительным ростом продуктивности презентных каузативов на *-áya-* и пассивов на *-yá-* (см. [Kulikov 2006a: 75 ff.]). Тем не менее следует отметить чрезвычайную важность этого явления для формирования системы оппозиций по транзитивности – в особенности в ранневедийский период – и для структурирования глагольного словаря в целом.

Хотя оно и покрывает сравнительно небольшую часть словаря и носит скорее субморфный статус, *C//ā*-чередование играет важную роль в установлении синтаксического потенциала глаголов в целом и, что особенно важно, различных фрагментов обширных глагольных парадигм (ранне)ведийского языка, оказывая значительное влияние на ряд тенденций развития ведийской глагольной системы. Статус такого рода субморфных явлений в глагольной системе и их типология в языках с богатой морфологией – как в индоевропейской семье, так и за ее пределами – изучен довольно слабо. Их исследование представляет одно из наиболее перспективных направлений диахронической типологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зализняк 1975 – А.А. Зализняк. Морфонологическая классификация древнеиндийских глагольных корней // Т.Я. Елизаренкова (ред.). Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975.
- Зализняк 1978 – А.А. Зализняк. Грамматический очерк санскрита // В.А. Кочергина. Санскритско-русский словарь. М., 1978 (2-е изд.: 1987).
- Куликов 1989 – Л.И. Куликов. Каузатив в санскрите: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
- Куликов 1991 – Л.И. Куликов. Древнеиндийские глагольные корни на *-ā* (к проблеме определителей корня и перестановочного аблаута) // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию со дня рожд. В.А. Дыбо. Тезисы докл. М., 1991.
- Куликов 1995 – Л.И. Куликов. Ведийские каузативные презенсы с носовыми аффиксами и их тематические варианты // Стхапакашраддха: Сб. статей памяти Г.А. Зографа. СПб., 1995.
- Albino 1999 – M. Albino. *Vedisch pūr 'füllen'* // Wiener Zeitschrift für die Kunde Süd- und Ostasiens. 1999. Bd. 43.
- Anttila 1969 – R. Anttila. Indo-European Schwebcablaut. Berkeley; Los Angeles, 1969.
- Beekes 1972 – R.S.P. Beekes. – III. 1972. V. 14. – Rec.: R. Anttila. Indo-European Schwebcablaut. Berkeley; Los Angeles, 1969.
- Beekes 1985 – R.S.P. Beekes. Skt. *uttāná-* // KZ. 1985. Bd. 98.
- Beekes 1995 – R.S.P. Beekes. Comparative Indo-European linguistics. An introduction. Amsterdam, 1995.
- Benfey 1837 – T. Benfey – Ergänzungsblätter zur Allgemeinen Literatur-Zeitung (Halle). 1837. № 114–117 – Rec.: A.F. Pott. Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der Indo-Germanischen Sprachen, mit besonderem Bezug auf die Lautumwandlung im Sanskrit, Griechischen, Lateinischen, Littauischen und Gothischen. Lemgo, 1837.
- Benfey 1873 – T. Benfey. Die Suffixe *anti*, *āti* und *ianti*, *iāti* // Nachrichten von der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften und der Georg-Augustus Universität zu Göttingen. Philos.-hist. Klasse. 1873. № 15.
- Benfey 1890 – T. Benfey. Kleinere Schriften. Bd. 1. Abt. 2. Berlin, 1890.
- Bezzenger 1879 – A. Bezzenger. – Göttingische gelehrte Anzeigen. 1879. · Rec.: K. Brugmann. Das verbale suffix *ā* im indogermanischen... 1878.
- Bloomfield 1895 – M. Bloomfield. On assimilation и adaptation in congeneric classes of words // American journal of philology. 1895. V. 16.
- Brugmann 1878 – K. Brugmann. Das verbale suffix *ā* im indogermanischen und die sogen. aeolische flexion der verba contracta // H. Osthoff, K. Brugmann. Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. I. Tl. Leipzig, 1878.
- Brugmann 1879 – K. Brugmann. Die achte conjugationsclassen des altindischen und ihre entsprechung im griechischen // KZ. 1879. Bd. 24.
- Burrow 1959 – T. Burrow. Sanskrit *kṣi-*: Greek *φθίνω* // JAOS. 1959. V. 79.
- Gotō 1987 – T. Gotō. Die «I. Präsensklasse» im Vedischen: Untersuchung der vollstufigen thematischen Wurzelpräsentia. Wien, 1987. (2., überarbeitete und ergänzte Aufl. 1996).
- Gotō 1997 – T. Gotō. Materialien zu einer Liste altindischer Verbalformen: 16. *chad*, 17. *chand / chad*, 18. *chard / chrd*, 19. *dagh / dhag*, 20. *dveṣ / dviṣ*, 21. *bandh / badh*, 22. ¹*man*, 23. ²*man*, 24. *mnā*, 25. ¹*yav / yu*, 26. ²*yav / yu*, 27. *sanⁱ*, 28. *star / stṛ*, 29. *starⁱ / stṛⁱ* // Bulletin of the National museum of ethnology (Osaka). 1997. V. 22. № 4.
- Griffiths 2009 – A. Griffiths. The Paippalādasamhitā of the Atharvaveda. Kāṇḍas 6 and 7: A new edition with translation and commentary. Groningen, 2009.
- Güntert 1914 – H. Güntert. Über Reimwortbildungen im Arischen und Griechischen. Eine sprachwissenschaftliche Untersuchung. Heidelberg, 1914.

- Haudry 1977 – J. Haudry. L'emploi des cas en védique. Introduction à l'étude des cas en indo-européen. Lyon, 1977.
- Hettrich 2004 – H. Hettrich. Zu Konstruktion und Bedeutung der Wurzel *man* im Ṛgveda // Th. Krisch et al. (Hrsg.). *Analecta homini universali dicata: Arbeiten zur Indogermanistik, Linguistik, Philologie, Politik, Musik und Dichtung: Festschrift für O. Panagl zum 65. Geburtstag*. Stuttgart, 2004.
- Hiersche 1964 – R. Hiersche. Untersuchungen zur Frage der Tenues aspiratae im Indogermanischen. Wiesbaden, 1964.
- Hoffmann 1974 – K. Hoffmann. Ved. *dhānuṣ-* und *pāruṣ-* // Die Sprache. 1974. Bd. 20.
- Insler 1972 – S. Insler. Vedic *mamatsi*, *ámamdur* and *īyate* // KZ. 1972. Bd. 86.
- Jamison 1983 – S.W. Jamison. Function and form in the *-áya-*formations of the Rig Veda and Atharva Veda. Göttingen, 1983.
- Jasanoff 2002 – J. Jasanoff. 'Stative' **-ē-* revisited // Die Sprache. 2002. Bd. 43.
- Joachim 1978 – U. Joachim. Mehrfachpräsentien im Ṛgveda. Frankfurt-am-Main, 1978.
- Kronasser 1968 – H. Kronasser. Handbuch der Semasiologie: kurze Einführung in die Geschichte, Problematik und Terminologie der Bedeutungslehre. 2. Aufl. Heidelberg, 1968.
- Kulikov 1999 – L.I. Kulikov. Split causativity: remarks on correlations between transitivity, aspect, and tense // W. Abraham, L. Kulikov (eds.). Tense-aspect, transitivity and causativity. Essays in honour of Vladimir Nedjalkov. Amsterdam, 1999.
- Kulikov 2000a – L.I. Kulikov. Vedic causative nasal presents and their thematicization: a functional approach // J.Ch. Smith, D. Bentley (eds.). Historical linguistics 1995. Selected papers from the 12th International conference on historical linguistics, Manchester, August 1995. V. 1: General issues and non-Germanic languages. Amsterdam, 2000.
- Kulikov 2000b – L.I. Kulikov. The Vedic type *syāti* revisited // B. Forssman, R. Plath (Hrsg.). Indoarisch, Iranisch und die Indogermanistik. Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 2. bis 5. Oktober 1997 in Erlangen. Wiesbaden, 2000.
- Kulikov 2001 – L.I. Kulikov. The Vedic *-ya-*presents. PhD diss. Leiden University, 2001.
- Kulikov 2003 – L.I. Kulikov. The labile syntactic type in a diachronic perspective: The case of Vedic // SKY journal of linguistics. 2003. V. 16.
- Kulikov 2006a – L.I. Kulikov. Passive and middle in Indo-European: Reconstructing the early Vedic passive paradigm // W. Abraham, L. Leisiö (eds.). Passivization and typology: form and function (Typological studies in language. V. 68). Amsterdam, 2006.
- Kulikov 2006b – L.I. Kulikov. The Vedic medio-passive aorists, statives and their participles: Reconsidering the paradigm // B. Tikkanen, H. Hettrich (eds.). Themes and tasks in Old and Middle Indo-Aryan linguistics. Papers of the 12th World Sanskrit conference. V. 5. Delhi, 2006.
- Kulikov 2008 – L.I. Kulikov. The Vedic causative *saṁkhyāpáyati* / *saṁksāpáyati* reconsidered // Indologica: Сб. статей памяти Т.Я. Елизаренковой. Кн. 1 / Сост. Л. Куликов, М. Русанов. М., 2008.
- Kümmel 1996 – M. Kümmel. Stativ und Passivaorist im Indoiranischen. Göttingen, 1996.
- Kümmel 2000 – M. Kümmel. Das Perfekt im Indoiranischen. Wiesbaden, 2000.
- Kuryłowicz 1964 – J. Kuryłowicz. The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.
- LIV – Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen / Unter der Leitung von H. Rix und der Mitarbeit vieler anderen bearbeitet von M. Kümmel [et al.]. 2., erweiterte und verbesserte Auflage. Wiesbaden, 2001.
- Lubotsky 1983 – A. Lubotsky. On the external sandhis of the Maitrāyaṇī Saṁhitā // IJ. 1983. V. 25.
- Lubotsky 1989 – A. Lubotsky. The Vedic *-áya-*formations // IJ. 1989. V. 32.
- Mayrhofer 1956–1980 – M. Mayrhofer. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. I–IV. Heidelberg, 1956–1980.
- Mayrhofer 1986–1996 – M. Mayrhofer. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Bd. I–II. Heidelberg, 1986–1996.
- Narten 1964 – J. Narten. Die sigmatischen Aoriste im Veda. Wiesbaden, 1964.
- Narten 1987 – J. Narten. Ved. *śrīṇāti*, gr. κρείων, κρέων // KZ. 1987. Bd. 100.
- Narten 1995 – J. Narten. Kleine Schriften. Bd. 1. Wiesbaden, 1995.
- Oertel 1941 – H. Oertel. Die Dativi finales abstrakter Nomina und andere Beispiele nominaler Satzfügung in der vedischen Prosa. München, 1941.
- Oertel 1994 – H. Oertel. Kleine Schriften. 2 Tl. Stuttgart, 1994.
- Oldenberg 1909 – H. Oldenberg. Ṛgveda. Textkritische und exegetische Noten. Bd. 1. Erstes bis sechstes Buch. Berlin, 1909.
- Persson 1912 – P. Persson. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. 2 Tl. Uppsala; Leipzig, 1912.

- Reichert 1904 – *H. Reichelt*. Der sekundäre ablaut // KZ. 1904. Bd. 39.
 Renou 1930 – *L. Renou*. Grammaire sanscrite. Paris, 1930 (2me éd. revue, corrigée et augmentée: 1960).
 Renou 1964 – *L. Renou*. Études védiques et pāṇinéennes. V. 13. Paris, 1964.
 Roesler 1997 – *U. Roesler*. Licht und Leuchten im Ṛgveda. Untersuchungen zum Wortfeld des Leuchtens und zur Bedeutung des Lichts. Swisttal-Odendorf, 1997.
 Schaefer 1994 – *C. Schaefer*. Das Intensivum im Vedischen. Göttingen, 1994.
 Schindler 1970 – *J. Schindler*. – Kratylos. 1970 [1972]. Bd. 15. – Rec.: *R. Anttila*. Indo-European Schwebeablaut. Berkeley; Los Angeles, 1969.
 Szemerényi 1970 – *O.J.L. Szemerényi*. Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft. Darmstadt, 1970.
 Szemerényi 1990 – *O.J.L. Szemerényi*. Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft. 4., durchgesehene Aufl. Darmstadt, 1990.
 Wackernagel 1896 – *J.W. Wackernagel*. Altindische Grammatik. Bd. I. Lautlehre. Göttingen, 1896.
 Wackernagel 1935–1937 – *J.W. Wackernagel*. Altindische und mittelindische Miscellen // Bulletin of the School of Oriental studies. 1935–1937. V. 8.
 Wackernagel 1955 – *J.W. Wackernagel*. Kleine Schriften. Göttingen, 1955.
 Wagner 1950 – *H. Wagner*. Zur Herkunft der ē-Verba in den indogermanischen Sprachen. Zürich, 1950.
 Watkins 1971 – *C. Watkins*. Hittite and Indo-European studies: the denominative in -ē- // Transactions of the Philological society. 1971 [1973].
 Whitney 1885 – *W.D. Whitney*. The roots, verb-forms, and primary derivatives of the Sanskrit language. Leipzig, 1885.
 Whitney 1889 – *W.D. Whitney*. Sanskrit grammar. 2nd ed. Cambridge (Mass.), 1889.
 Witzel 1989 – *M. Witzel*. Tracing the Vedic dialects // C. Caillat (ed.). Dialectes dans les littératures indo-aryennes. Paris, 1989.
 Yakubovich 1999 – *I. Yakubovich*. «Stative» suffix /-āi-a/ in the verbal system of Old Indic // K. Jones-Bley et al. (eds.). Proceedings of the Tenth annual UCLA Indo-European conference. Washington, 1999.

СИМВОЛЫ И СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ТЕКСТОВ

AB(Шаун)	Атхарваведа (рецензия Шаунакия)
ABПайпп	AB, рецензия Пайппалада
АйтАр	Айтарея-араньяка
АйтБр	Айтарея-брахмана
Ар.	араньяки
Бр.	брахманы
BC	Ваджасанейи-самхита
ДжБр	Джайминия-брахмана
РВ	Ригведа
РВКх	Ригведа-Кхилани
Уш.	упанишады
ШБр	Шатанатха-брахмана
ШрС	шраута-сутры
ЯВ	Яджурведа(-самхита)
X+	(засвидетельствовано) начиная с [текста] X

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

IJ	Indo-Iranian Journal
JAOS	Journal of the American Oriental Society
JIES	Journal of Indo-European studies
KZ	Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen (Kuhns Zeitschrift)
LIV	Lexikon der indogermanischen Verben
SKY	Suomen kielitieteellinen yhdistys (Linguistic Association of Finland)